

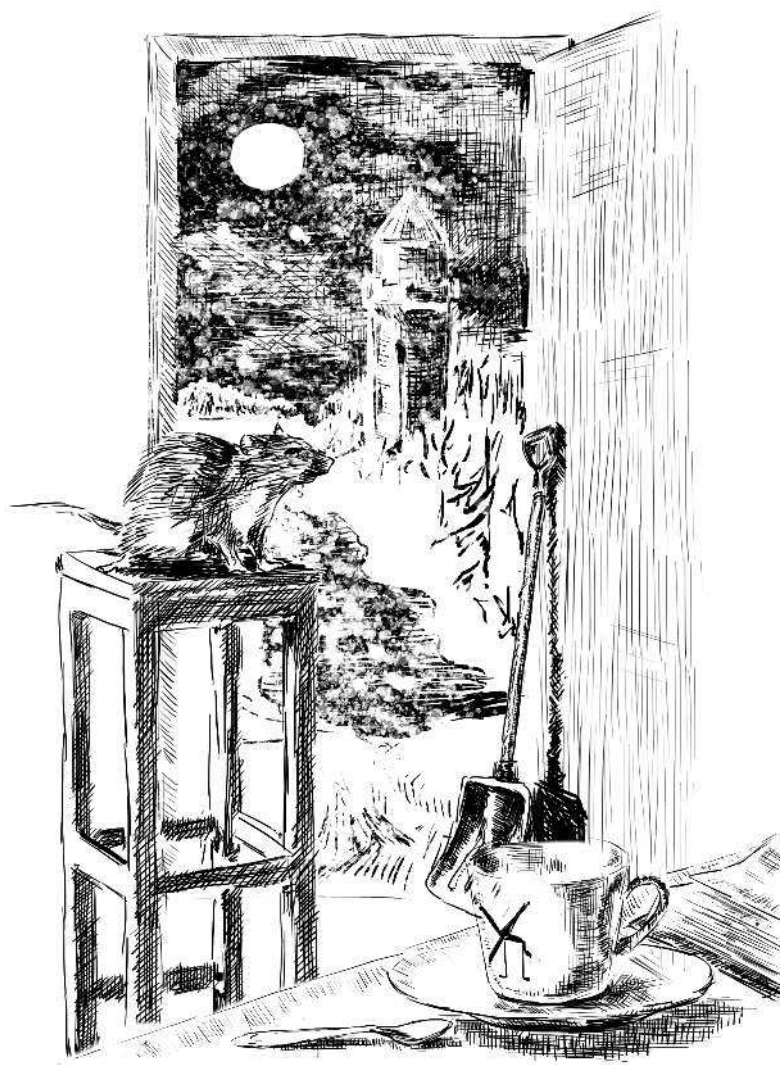
...а любовь стоит того, чтобы ждать.

В. Цой. Легенда

*You roll the dice you play the game
The weak will fall the strong remain
No pain no gain.*

Klaus Meine, Mark Hudson. No pain no gain ¹

¹ «Ты бросаешь кости, ты играешь в игру, в которой слабый падет, а сильный останется. Без боли не победишь» – строчка из песни группы «Scorpions». Слова Клауса Майне и Марка Хадсона.

Эпизод первый

ЗАЯВКА

1

Мельник читал последнюю в семестре лекцию перед группой из двадцати человек, но мысли его крутились вокруг одного-единственного – Бойко. Было жарко, студентки обмахивались тетрадами, проводили пальцами по вспотевшим лбам, в воздухе стоял густой запах сирени, цветущей за открытыми окнами. Бойко, светло-волосый худощавый парень с тонкими правильными чертами лица, ни на что не обращал внимания. Он сидел, не меняя позы, и рассеянно вертел в руках дешевую пластмассовую ручку. Глаза его безотрывно следили за тонким кончиком стрелки, на котором поблескивал маленький измазанный чернилами шарик. С самого начала лекции Мельник ощущал исходящую от него опасность, а к середине был уже абсолютно уверен, что видит перед собой убийцу.

Мельник говорил:

– Возникновение театра абсурда связывают с именами двух драматургов: Беккета и Ионеско.

Птицы за окном щебетали так громко, что приходилось повышать голос, но Бойко, думавший о прошлой ночи, ничего не слышал. Продолжая говорить, Мельник прислушивался к его мыслям: жертва, убийство, кровь, оскал, опасность, «я спасал свою жизнь».

— Театр абсурда рассказывает об одиночестве и отчуждении человека от окружающего мира.— Мельник чувствовал, как начинает болеть голова. Обрывки бессвязных мыслей Бойко вплетались в лекцию, как щебет птиц.

На поверхности плавали лишь осколки образов и обрывки слов. Мельник улавливал их безо всякого усилия — как слышал на улицах разговоры проходящих мимо людей. Чтобы узнать больше, он должен был нырнуть в голову Бойко, а это было все равно, что подслушивать нарочно. Мельник колебался, и останавливала его не только щепетильность. Он знал, что и сам может быть опасен.

Жирная, ошалевшая от тепла муха залетела в окно и стала биться о беленый потолок в поисках выхода. Студентки начали посмеиваться.

— Абсурдно искать выход там, где его нет. И тем не менее этим грешат не только мухи,— Мельник заставил себя улыбнуться. Муха стукнулась о потолок особенно сильно, срикошетила и, заметив наконец, где находится окно, вылетела на улицу. Группа оживилась, и только Бойко не обратил на происшествие никакого внимания.

— «Бескорыстный убийца» — одна из наименее известных в России пьес Ионеско,— сказал, глядя на него, Мельник.— В ней бессмысленная жизнь сталкивается со смертью, которую нельзя предотвратить.

Бойко вздрогнул и поднял глаза.

— Герой пьесы разговаривает с убийцей, а тот в ответ лишь бессмысленно хихикает из темноты. Потому что смерть невозможно переубедить.

Синие глаза Мельника встретились с голубыми глазами Бойко.

«А ведь он убьет еще раз», — подумал Мельник, и все его сомнения рассеялись. От усилия, которое пришлось приложить, ему стало больно, но зато он сразу увидел тело девушки, которое Бойко закопал в песок на обрывистом берегу. На длинных светлых волосах темными штрихами запеклась кровь, кровью были пропитаны изорванная в клочья белая майка и джинсовые шорты.

Мельник замолчал, слова застряли у него в горле. Двадцать пар глаз выжидающе смотрели на него, Бойко вернулся к разглядыванию ручки. Мельник собрался с мыслями и продолжил:

— Итак, «Лысая певица».

— «Бескорыстный убийца», — поправил его кто-то из студентов.

— Нет, «Бескорыстного убийцу» мы с вами разбирать не будем, — рассеянно ответил Мельник.

Студентка в первом ряду удивленно подняла бровь.

Когда пара закончилась, Мельник вышел в коридор и пошел за группой на другой этаж. Студентки остановились напротив закрытых дверей аудитории, расслабленно оперлись о подоконники и продолжили негромкие разговоры. Бойко стоял поодаль от них, прижавшись затылком к прохладной, выкрашенной бежевой краской стене.

Мельник прошел мимо студентов и открыл дверь кафедры русского языка.

— Можно я у вас посижу? — спросил он секретаря Марину.

— Конечно, Вячеслав Станиславович, — Марина недоуменно пожала плечом. Она не поняла, почему Мельник хочет посидеть именно здесь, но не стала возражать: он нравился ей. Мельник был высок и широкоплеч. Черты его лица отличала грубая правильность: крупный нос, высокие скулы, черные широкие брови. Волосы он

носил длинными, до плеч, но скорее по студенческой привычке, чем из желания нравиться.

Мельник выдвинул стул, стоящий у ближайшего стола, сел и закрыл глаза.

У девушки, которую убил Бойко, была порвана щека, проколот бок, изуродована грудь. Оружие послужил шампур, и последний удар оказался настолько сильным, что железный прут намертво застрял между ребрами — Бойко пришлось постараться, чтобы выдернуть его. Пока он тянул, упершись коленом в мягкий живот своей жертвы, — опомнился и понял, что сделал.

Мельник нырнул еще глубже. Теперь ему было все равно, как сильно он повредит голову убийцы.

Бойко привез девушку в лес. Она не казалась ему красивой, но в ее движениях и взгляде сквозила граничащая с вызовом уверенность в себе. Пока Бойко насаживал на шампур куски сырого мяса, девушка смотрела на него и улыбалась. Она хотела поцеловать его, но Бойко не приближался к ней, продлевая приятное, тягучее предвкушение. Девушка говорила — он молчал, только изредка вставляя слова.

Вечер темнел. Поднялся небольшой ветер, угасающие угли костра вспыхнули красным. Бойко почувствовал тревогу. Его нервы были напряжены: он завел себя, как пружину, отдавая первый поцелуй, пережал — и внезапно оказался во власти страха. Лес показался ему враждебным. Угасающий дневной свет заставил пространство раздвоиться. Лицо девушки стало странным, будто от кожи отслоилась тонкая пленка с рисунком. Бойко захотелось узнать, что скрывалось под пленкой. Он подошел, наклонился и провел пальцами по ее скуле. Девушка улыбнулась, отложила в сторону шампур с недоеденным мясом. Между ее зубами Бойко увидел застрявшие мясные волокна, красным блеснул в уголке губ кетчуп. Его пальцы нащупали тонкий край пленки, на которой было нарисовано фальшивое лицо. Он дер-

нул и сорвал маску, обнажая злобную ощеренную морду. Страх электрическим разрядом прошел по его телу. Бойко выхватил воткнутый в землю шампур и, коротко замахнувшись, ударил. Острие вспороло чудовищу щеку, обнажая ровные белые зубы. Из раны хлынула кровь. Девушка закричала.

Открылась и закрылась ведущая на кафедру дверь. Вошедшая аспирантка увидела Мельника и вопросительно взглянула на Марину. Ее глаза, густо обведенные серыми тенями, округлились от удивления. Марина развела руками и покачала головой. Мельник открыл глаза и встал.

— Вам плохо, Вячеслав Станиславович? — спросила аспирантка.

— Нет, все хорошо, Ольга Анатольевна, не беспокойтесь, — ответил Мельник.

Он соврал: Бойко был так напуган, что мог убить снова. Это было плохо.

После четвертой пары Мельник успел перехватить опасного студента внизу и пошел следом за ним. Он никогда не имел дела с психически больными людьми и теперь со смесью любопытства и отвращения наблюдал, как меняется картина мира в голове убийцы. Была середина дня, городская улица раскалилась, и воздух наполнился мелкой пылью, похожей на опилки карандашного стержня. Мысли Бойко путались, темнота напозала со всех сторон, в глазах пульсировали красные и оранжевые круги, лица людей искажались. Он напрягал зрение, нервно встряхивал головой, пытаясь понять, где прячутся звери, и только порывы свежего ветра уносили галлюцинации, сдувая их, будто туман.

Мельник следовал за Бойко до самого дома. Студент нырнул в темный подъезд пятиэтажки, из которого тянуло пропитанным плесенью сырым холодком. Мельник смотрел на ослепшие от яркого дневного солнца окна и понимал, что не сможет убить сумасшедшего.

— Неужели заболели зубы? — желчно спросила Полина, когда Мельник вошел в двери частной стоматологии, где она работала администратором. Полина была худой, невысокой, всегда сутулилась, при ходьбе смотрела себе под ноги и часто выглядела уставшей. Лицо ее казалось некрасивым из-за круглого, картошкой, носа и маленьких, глубоко посаженных глаз, но неизменно привлекало внимание — то ли этой неправильностью, то ли жестким, решительным взглядом, то ли тем, что она стриглась почти под ноль и тем самым выставляла напоказ свои недостатки.

— Мне нужно посоветоваться, — ответил Мельник.

— Со мной?

— Я пошел бы к Саше, но... А больше у меня никого нет.

Врач вышел из кабинета, за ним показался пациент. Мельник отступил, дожидаясь, пока Полина выпишет счет и даст сдачу. Когда холл снова опустел, Мельник оперся на стойку, наклонился к ней и полусшепотом, чтобы случайно не услышали врачи, пациенты и ассистентки, изредка проходящие через холл, рассказал о Бойко. Когда Мельник закончил, Полина спросила:

— Что ты собираешься делать?

— Трудно решить.

— Нет, постой, — Полина принялась крутить в пальцах ручку, отчего перед глазами Мельника снова возник Бойко. — Почему бы тебе просто не прополоскать его голову, чтобы там все пришло в порядок? Саша бы так и сделала.

— Я не умею.

— Не умеешь?

— Не умею. Мы с Сашей разные, и природа способностей у нас разная. Я могу чувствовать его состояние, я

могу добраться до любого из его воспоминаний — и на этом все.

— Я всегда думала, что ты сильнее, чем Саша.

— Нет, это только казалось.

— Но я была уверена...

Телефонный звонок разорвал повисшее между ними напряжение. Мельник был рад минутной передышке, потому что врал Полине и не хотел, чтобы она это заметила. С Бойко наверняка можно было что-то сделать, но он не знал что. Последние двадцать лет Мельник не читал чужих мыслей, не влиял на чужие поступки, не сближался с людьми и не позволял себе злиться. Природы своих способностей он не понимал и пользоваться ими не умел. Любые его действия могли иметь совершенно непредсказуемый результат, тем более что сознание Бойко было запутанно, странно и хрупко.

— А если он слетит с катушек прямо сейчас, пока мы тут разговариваем? — спросила Полина, положив трубку.— Убьет кого-нибудь, пока ты колеблешься.

— Не слетит,— ответил Мельник.— Это странно, но я наладил с ним постоянную связь. Раньше мне казалось, что я должен быть рядом с человеком, чтобы забраться к нему в голову. Но Бойко ушел домой, я стал о нем думать и обнаружил, что все еще слышу его. Я и сейчас в его голове.

— Почему бы тебе просто не убить его?

— Убить?

— Почему нет?

Полина смотрела на Мельника своим фирменным взглядом — требовательно и жестко. Он чувствовал, что начинает злиться, однако подавил в себе это чувство.

— А ты смогла бы убить?

— Если бы знала, что человек опасен?

— Да.

— Не знаю,— Полина помолчала.— Мне кажется, что да, но, когда я думаю об этом, ситуация представляется

мне плоской. Ненастоящей. Так что на самом деле я не знаю, что стала бы делать, если бы у меня был нож, а убийца стоял передо мной.

— Я мог бы дождаться, когда он снова сорвется, и убить его, защищая следующую жертву.

— Да, так было бы проще. Когда есть весомый повод, убивать, наверное, легче.

— Но Бойко успокаивается! Кто знает, как долго он будет стабилен? Я могу потерять бдительность. Понимаешь, связь с ним требует физического напряжения...

— Ты оставишь все как есть? — спросила Полина, перебивая его.

— Нет,— ответил Мельник.— Я решил идти в полицию.

— Думаешь, они не поднимут тебя на смех? Уверяю тебя, к ним ходят толпы сумасшедших.

— Я знаю, где тело, а девушку наверняка ищут.

Полина стиснула челюсти и прищурила глаза.

— Иди,— злобно сказала она,— иди в полицию, если ни на что другое не способен.

— Почему ты злишься? — спросил Мельник.

Полина вскочила и вышла к нему из-за стойки. Из-за разницы в росте голова ее оказалась задрана вверх, зрачки расширились, а острый подбородок нацелился Мельнику в самое сердце.

— Потому что ненавижу тебя! Почему ты не любишь Сашу?

— Я люблю.

— Почему никогда об этом не говоришь? Все десять лет, которые ты рядом, ты мучаешь ее своим безразличием! Ты дразнишь ее: ничего не делаешь, но и не уходишь! Это пытка для нее, настоящая пытка.

Мельник молчал, не желая оправдываться. Он впервые слышал о том, что его присутствие для Саши мучительно. Он любил ее все десять лет, прошедшие со дня их знакомства, но понял, что любит, совсем недавно.

— Хотя бы сейчас,— прошипела Полина, и ее сжатая в кулак рука больно ударила Мельника по груди,— хотя бы сейчас иди к ней и скажи, что любишь. Скажи! Долго притворяться тебе не придется!

— Я не могу,— ответил Мельник.

— Почему?!

— Потому что это будет выглядеть как милостыня. Как будто я сделал это из жалости к умирающему человеку.

3

Накрапывал мелкий дождь. Мельник стоял перед слагбаумом, перекрывающим подъезд к отделению полиции, и смотрел на синие буквы на белом фоне. Возле дверей паспортного стола мокли гастарбайтеры, полицейские курили под козырьком соседнего крыльца.

Опасаясь, что на него в конце концов обратят внимание, он выдохнул и пошел вперед. Миновал высокие ступени, толкнул тяжелые двери и попал в длинный, унылый, тускло освещенный коридор, где за зарешеченным окном сидел дежурный.

— Здравствуйте,— сказал Мельник, наклоняясь к прорези в окне.— Я хотел бы заявить о преступлении.

— Что за преступление? — лениво спросил молодой светловолосый лейтенант.

— Убийство,— ответил Мельник.

Полицейский собрался, выпрямил спину, подался к окну. На лице его проявился живой интерес:

— Кто убил? Кого?

— Мой студент, его фамилия Бойко. Убил девушку, не знаю ее имени. Это произошло позавчера, на Карьерах.

— Что за девушка?

Лейтенант потянулся к трубке телефона.

— Невысокая, средней комплекции: не полная, но и не худенькая...

— Вы видели, как он это делал или он вам рассказал?

— Не то и не другое.

— В смысле?

— Я... прочитал его мысли.

Лейтенант расслабился, откинулся в кресле, на его губах появилась кривая улыбка.

— Я понимаю, как это выглядит со стороны, но я могу доказать,— сказал Мельник.— Я точно знаю, где тело.

— На Карьерах, говоришь?

— Да,— сказал Мельник, стараясь не показать, что заметил издевку.

— Не наш район. Ты, профессор, обратись по месту совершения, там тебе и помогут.

Мельник стиснул зубы, подавляя злость. Он смотрел в наглые, умные, блестящие глаза молодого лейтенанта и думал о том, что не может сдать просто так.

Можно было заставить лейтенанта лично поехать на Карьеры, но Мельник не знал, чем это кончится. Лейтенант мог сойти с ума и мучиться навязчивой идеей о трупце, который нужно достать из песка. Мог стать убийцей. В конце концов, его голова могла лопнуть, как мыльный пузырь. Мельник представил, как кусочки черепа, влажные от крови и мозга, разлетаются по сторонам и стучат по отделяющему лейтенанта стеклу.

— Не стой тут, мужик. Честно тебе говорю,— без угрозы, но твердо произнес полицейский, и Мельник вышел из отделения.

Он выяснил, к какому отделению относятся Карьеры, и поехал туда. Лейтенант Центрального района подсказал ему, как действовать, и, подойдя к следующему дежурному, Мельник соврал. Он сказал, что студент Бойко вчера после занятий признался ему в совершенном преступлении. Мельника проводили к следователю, в тесный кабинет с запыленным окном. Невысокий плот-

ный капитан по фамилии Медведев, то ли с седеющими, то ли выгоревшими на солнце волосами, спросил:

— Где, по его словам, находится тело?

— Зарыто в песок... Он говорил, что рядом какой-то синий сарай. Это на том берегу, который далеко от шоссе. Напротив — крохотный островок.

— Примет негусто. Долго можно копать. Вы уверены, что он не выдумывает?

— Мне показалось, что нет. Он заметно нервничал. Правда, говорил бессвязно, и я не все понял.

— Почему он пришел к вам?

— Что?

— Почему он пришел именно к вам? Вы часто разговаривали? Он делился с вами чем-то до этого?

— Нет. Я не знаю, почему он решил поделиться этим со мной. Может быть, это потому, что мы проходили Ионеско, говорили об одиночестве и о смерти.

— Понятно... Понятно... Имени девушки, значит, не знаете?

— Нет, он не сказал.

— Как это произошло? Он говорил?

— Да, говорил. Они жарили шашлыки — там, в лесу, шагах в тридцати от берега должны быть кострище и кирпичи, — а потом он разозлился, я не понял, из-за чего. Он что-то говорил про маски. Разозлился и ударил ее шампуром. Кажется, не один раз.

— Не говорил, куда дел шампур?

— Не говорил. Может быть, так и валяется где-то рядом с кострищем. Я не знаю.

— Понятно... Что ж, можете идти. Если вы будете нужны, мы с вами свяжемся, Вячеслав Станиславович.

— Но вы что-то сделаете?

— Не беспокойтесь. Идите. Оставьте это нам.

На следующий день Бойко пришел в университет. Он был спокоен и собран, разговаривал и даже шутил. «Что ж, — подумал Мельник, — значит, решение было неверным.

Придется держать его мысли в кулаке и ждать, когда он слетит с катушек. И пусть это кончится тем, чем кончится».

Но после обеда появилась полиция. Мельник видел арест глазами Бойко и чувствовал его ужас. Тело было найдено, вина Бойко могла быть доказана: полиция обнаружила шампур с отпечатками его пальцев и кровью девушки. Мельник ушел из головы Бойко и почувствовал облегчение. Чужой разум, притуплявший его чувства на протяжении нескольких дней, тяготил его, словно был ядром на ноге каторжанина.

4

Саша стояла у окна и смотрела на улицу. Она всегда была маленькой и хрупкой, но за последнее время похудела еще больше. Руки ее стали почти прозрачными, плечи — острыми, как у подростка. Волосы у Саши были длинные и невесомые, как легчайший шелк. От природы они обладали тем невзрачным светло-русым цветом, который большинство женщин предпочитает сменить, но Саша никогда их не перекрашивала.

Черты ее лица были невыразительны, полустерты и будто размыты — Мельник знал их наизусть, ей не было нужды оборачиваться. Он хорошо помнил небольшой аккуратный нос, невысокий лоб с едва заметными дымчатыми бровями, бледные губы, не узкие, но и не пухлые, и светло-серые глаза того неясного цвета, какого бывает осенью затянутое облаками небо.

На ней было узкое платье стального цвета, перехваченное по талии тонким поясом, и благодаря платью и своей болезненной худобе Саша казалось иголкой, воткнутой в плотное пространство комнаты как в игольницу — чтобы не потерялась.

Одна ее рука касалась заброшенной деревянной рамы для росписи по шелку. До болезни Саша часто рисовала, а теперь тяжелый запах резинового клея, прежде такой отчетливый, выветрился из комнаты. Другой рукой Саша рассеянно поглаживала Черепашку, сидевшую на окне. Кошка выглядела плохо. Ее трехцветная шерсть потеряла свой блеск и торчала клоками, голова была безвольно опущена, хвост свисал с подоконника, как флаг в безветренную погоду. На прикосновения невесомой хозяйской руки Черепашка почти не реагировала.

— Я думал о тебе,— сказал Мельник.

Саша не ответила. За окном волновались, как море, тонкие плети березы, и комнату заполнял нежный, золотисто-зеленый свет. В этих отсветах Саша казалась ненастоящей, нездешней и очень далекой.

Раньше она радовалась приходу Мельника. Он тогда был холоден, избегал объятий и откровенных взглядов, изо всех сил старался держаться от Саши подальше, но совсем не видеть ее не мог.

Мельник очень долго не хотел признаваться себе в том, что любит ее. Это продолжалось до тех пор, пока врач не сказал им, что шансов на выздоровление мало, и ему стало страшно. Мысль о жизни, в которой нет Саши, причинила ему невыносимую боль.

В тот день, когда ей сделали первую операцию на сердце, Мельник долго не мог заснуть, а когда погрузился наконец в тяжелую полудремоту, из которой то и дело выныривал в холодную пасмурную реальность, увидел сон. Во сне он был в операционной, и Саша лежала там, как будто уже очнулась от наркоза. Мельник видел начало бордового шва, уходящего под больничную рубашку у нее на груди. Он подошел и взял ее за руку. Рука оказалась ледяной, потому что в операционной было холодно. Иней застыл на высоких медицинских шкафах, на кафельной плитке, покрывающей стены, на огромном